

Майя Гуглин

ПО ЧУЖИМ ПРАВИЛАМ ИГРЫ

Предисловие

*Памяти Эдуарда
Романовича Гуглина*

Без тебя не было бы этой книги. Когда я вернулась домой после своей американской одиссеи, ты подвел меня к компьютеру и сказал: пиши. Я печатала, а ты подходил и подсматривал через плечо, тебе было страшно интересно, что и как со мной происходило.

Сколько воспоминаний, которые у нас были на двоих, теперь осталось только со мной. Больше никто в мире этого не помнит. Как ты читал мне вслух стихи, и я на всю жизнь влюбилась в русскую поэзию. Как ты по вечерам сквозь шумелки слушал Би-Би-Си и голос Америки, а потом подсаживался ко мне на кровать и рассказывал, что тебе удалось узнать. Как я забиралась с книжкой к тебе под стол, в уголок у батареи, и читала, а ты печатал на машинке. В твоём кабинете, с книгами на стеллажах от пола до потолка, с нашей великолепной библиотекой, и медицинской и

художественной, которую ты собирал всю жизнь, со студенческих лет, когда в послевоенном Ленинграде у букинистов можно было найти все, и которую ты бросил в пустой квартире, когда уезжал ко мне. Как мы во дворе развели костер и жгли твою вторую докторскую диссертацию, которую тебе не дали закончить, отняв у тебя кафедру факультетской терапии. Там были отрывки из историй болезней, имена больных, и просто так выбросить ее было нельзя. Первую докторскую тебе зарубил ВАК, и ты стал писать вторую, и не успел. Как мы катались по льдинкам на набережной. Как ты читал лекции по фармакотерапии, по вечерам, необязательные, и к тебе набивалась полная аудитория, потому что читал ты как никто, и я тобой отчаянно гордилась. Как мы отдыхали в Крыму, и я сдуру полезла в предштормовое море, покачаться на волнах, и меня вдруг захватило и понесло, и я с ужасом поняла, что совершенно ничего не могу сделать, и тут меня выхватили и вытащили — это был ты, а я даже не знала, что ты рядом, потому что довольно далеко ушла по пляжу от того места, где сидели вы с мамой. Как мы 9 мая, в мамин день рождения и в день Победы, шли на базар и покупали ей охапки сирени и тюльпанов. Много позже, в этот день, ты прилетел ко мне в Америку и остался насовсем. Нелегальный ты мой... Как, когда я приехала домой

из Америки в отпуск, ты вдруг ни с того ни с сего погнал меня за хлебом, а потом оказалось, что у тебя был инсульт, и ты старался, чтобы я не заметила, что у тебя отнялась одна рука. Ты боялся, что я останусь с тобой и не вернусь в США. И я таки не заметила, и улетела, а ты все пытался ее разработать, и она отошла, только почерк совсем испортился. Ты мне рассказал об этом только несколько лет спустя.

Ты ушел на войну подростком. Тебя, еще не отъездившего после блокады, но уже не совсем дистрофика, призвали за несколько дней до твоего дня рождения. Твой год оказался последним, который еще призывали. Твой отец был на фронте, а мама тебя не провожала, вы простились там, в эвакогоспитале на Петроградской, где она была машинисткой, а ты водопроводчиком, чтобы получать рабочую карточку. Свое семнадцатилетие ты встретил на Карельском фронте, охраняя каптерку, где прожаривались от вшей 24 комплекта обмундирования. В ту ночь в каптерке начался пожар, и все сгорело дотла. От штрафбата тебя спас старшина, доложивший начальству, что она сгорела по технической причине, а не по твоему недосмотру. Тот мальчик-солдат из 1943-го только что жил рядом со мной, жил в тебе, 93-летнем, сидел в этом самом кресле, где я сижу сейчас. А

теперь его больше нет.

Когда я уже жила в Америке, а ты еще в России, ты написал стихотворение. Вот оно.

*Ради тетки и брата
Дочь сюда не вернется.
Папа в роли каната -
Связь еще остается.
Трется канат о годы,
Рвется за нитью нить.
Это закон природы.
Это — не изменить.
Значит надо задачу
Выполнить до конца.
Найти себе место в жизни
С отцом или без отца.
А он потихоньку стареет,
И терпеливо ждет.
Может, судьба улыбнется,
Может, с косой придет.
Америка так Америка.
Где ты — там и будет дом.
С того иль с другого берега
В безбрежье уплыть потом.
Фамилия, имя, отчество -
Те же. А жизнь не та.
Старость и одиночество.
Забвенье и пустота.
То ли пьяна Россия,*

*То ли сошла с ума,
То ли от всех несчастий
Испить ей судьба дана.
Родина, а не родная.
Мачеха, а не мать.
Сколько обид. Без края,
Если начать считать.
И жизнь, что прошла в России,
Останется только сном,
Тяжелым, порой счастливым,
С обычным таким концом.
Счастливым конец не бывает.
Это — оксюморон.
Как-то не вдохновляет
Преддверие похорон...
Так будем же веселиться,
Сгоняя печаль с лица.
Может еще пригодится
Слушать «бу-бу» отца.*

Пусть оно живет в этой книге.

Глава 1. В ПЕРВЫЙ РАЗ

*«Ну пробьешь головой стену.
А что будешь делать в соседней
камере?»*

Станислав Ежи Лец

Я была в Америке две недели — с 4 по 18 июня 1994 года. Эта поездка случилось неожиданно. За границу хотелось давно — с тех пор как за восемь лет до этого побывала в ГДР, но не выходило: сначала путевки были дефицитны, потом все стало очень дорого. Но английским я потихоньку занималась и ходила в городской английский клуб. Там собирались ребята, которые когда-то учили язык и не хотели забывать. Разговаривали в основном друг с другом, но иногда, когда в город приезжали иностранцы и остальным организациям: народной дипломатии, обществу борьбы за мир и т. д. — уже нечего было с ними делать, нам разрешали пригласить их на вечер к себе в клуб: напоить чаем и поговорить по-английски.

Год назад к нам таким образом попал старичок из американского города Кливленда, побратима Волгограда. Старичок был колоритный: по слуховому аппарату в каждом ухе, два больших деревянных креста на груди, засыпал прямо за

столом. Его звали Ховард. Он возглавлял общество дружбы «Кливленд — Волгоград». Я ему понравилась, и он подарил мне — единственной — великолепный Вебстеровской словарь (а может быть у него сложилось впечатление, что мне полезнее всех подучить английский). Я рассыпалась в благодарностях, ему явно было приятно и он спросил: не хотела бы я побывать в Штатах.

— Не все ли равно хочу я или нет, — сказала я, — с таким же успехом можно хотеть слетать на Луну.

За последние годы, когда все стали повсюду ездить, у меня неоднократно что-то такое намечалось и неизменно срывалось. На работе мне говорили: «Это было, когда ты собиралась в Бельгию, или в Польшу, или в Венгрию».

В Бельгию я собиралась ехать осваивать медицинскую аппаратуру по ходатайству местного священника. Он искал доктора: с английским или французским языком, мужчину, женатого, и православного. В поисках он обратился за советом к своему врачу, которая оказалась мамой моей подруги. За несколько дней ей удалось убедить его, что ему вполне подойдет незамужняя атеистка еврейского происхождения. Я собирала документы, писала письма, отправляла факсы и разглядывала карту Бельгии. Наконец он попросил перевести выписку из его истории болезни, чтобы он с ней

поехал в Бельгию лечиться. Поскольку он страдал хроническим колитом, лечиться туда его не взяли, сказав, что с такой болезнью они в больницы не кладут. После этого все как-то забылось. Некоторое время спустя он прославился своей политической активностью, голодовками в знак протеста, пострижением в монахи и антисемитскими выпадами.

В Польшу я собиралась, когда только-только начинались коммерческие поездки челноков. Вся больница советовала, что брать туда на продажу. Я покупала кипятильники, электрогрелки и игрушки. Накануне отъезда туристическая фирма, продавшая мне путевку, объявила себя несостоятельной. Они не смогли вовремя оформить визы. Дома несколько лет валялись заводные мышки и лягушки.

В Венгрию я хотела поехать с христианской молодежью. Не было билетов. И так далее.

Через полгода после визита Ховарда мне позвонили из горздраотдела. В администрацию города пришло приглашение из Кливленда: они готовы принять делегацию из трех врачей, причем переводчиком и одной из этих троих просят направить меня. Я не буду возражать? Может быть у меня другие планы? Дорогу до Вашингтона и обратно должен оплатить горздраотдел, все остальные расходы берет на себя американская сторона. Карманных денег не обещают. Возражать

я, как ни странно, не стала, но на всякий случай не поверила: в Америку, на две недели, бесплатно — и чтобы на мое место не нашлось других желающих. Тем более, что двух других членов делегации нашли, не выходя за стены горздрава: заместителя заведующего (у самого заведующего уже была запланирована месячная поездка в другой город США) и главного терапевта города. Так я оказалась в роли девочки-переводчицы при двух начальственных дамах.

С деньгами у администрации было туго. Но через несколько недель выяснилось, что все-таки едем. Сначала в Москву за визами. Очередь к посольству — на улице под дождем с половины восьмого утра. Наконец вошли в ангарчик — пристройку. Охранники проверили сумки, просветили нас. Полно народу — все за гостевыми визами. Кто на постоянное место жительства — отдельно. На стене крупно объявление по-русски «Во время собеседования постарайтесь доказать консулу, что у вас достаточно прочные родственные имущественные и финансовые связи на родине, которые будут гарантировать ваше возвращение». За окошком парень-американец пишет левой рукой, проверил что-то — и нас в другую очередь, на собеседование. Как всегда вокруг масса разговоров: того не пустили, этого тоже. Мои спутницы проходят без затруднений, у

обеих здесь дети, значит не сбегут. Подхожу к окошку. Девушка-консул говорит по-русски с акцентом:

— С кем живете?

— С отцом.

— Дети есть?

— Нет.

— Подождите. Я должна посоветоваться.

Ушла, четыре минуты не было, а у меня сердцебиение: сейчас вот не пустят в Америку и сказать нечего. Вернулась:

— Завтра в четыре приходите за визой.

Еду!

Пошла гулять по Москве. После дождя светило солнце, стояла радуга, я покупала бананы и мороженое, зашла в Макдональдс на Тверской — поздороваться с Америкой. Взяла гамбургер, фанту со льдом, посидела на улице. Рядом с кафе расположился фотограф с шимпанзе. Подошли два парня: смотри, обезьяна, давай ей «Сникерс» купим! Дали обезьяне шоколадку, она взяла в лапу, развернула, ест. Фотограф упрекает: что же ты, пожми дяде ручку. Шимпанзе подошла к парню, протянула лапу, пожалала. Фотограф ей опять: поцелуй дядю в щечку! Поднес её к лицу парня, она вытянула губы трубочкой, чмокнула. Вот и мы так же будем. Дунька в Европе, она же Майка в Америке.